
РОССИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Диверсификация образа жизни

(Способы и стили жизни в постсоветском социальном пространстве)

А.А. ВОЗЬМИТЕЛЬ

В сегодняшней динамичной, хотя и неизвестно куда двигающейся России лишь изучение повседневности на уровне реально складывающихся способов и стилей жизни дает возможность понять, как, каким образом определенные формы жизнедеятельности и способы социального действия начинают определять «доминантную форму интеграции» (П.Сорокин) и становление общества определенного типа.

В основе развитых культур всегда лежит определенная концепция человека и его жизненного мира, образа жизни, связывающая воедино (цементирующая) ценности, представления о жизни и реальную жизнедеятельность людей. Это обстоятельство, на которое, пожалуй, впервые обратил пристальное внимание М. Вебер в ходе социологического анализа религии, придает образу жизни статус социокультурного явления, «этически определенной модификации» формы человеческого существования; исторически сложившейся системы жизнедеятельности, функционирующей на основе ценностных смысложизненных установок (способов отношения к миру), сама специфика которых составляет ее качественную характеристику. Рассматриваемый в социокультурном ракурсе модернизационный «прорыв» советского образа жизни означает, по сути, цивилизационный катаклизм, распад парадигмы человеческого существования, уже приведший к глобальным изменениям. Во всяком случае, налицо два взаимодействующих друг друга процесса: внутри страны и мире в целом.

Внутри — активно идет преобразование моностилистической культуры в полистилистическую. Обесценивание культурной и нравственной традиции, отторжение людьми производительного труда, обнищание народа, а также потеря им национальной идентичности — далеко не полный перечень зримых результатов этого процесса. Парадоксально, но факт: столь желанная и, казалось бы, уже обретенная свобода обернулась новой антиутопией насилия и коррупции, поразившими все сферы жизни общества. Россия вплотную подошла к черте (возможно уже перешла ее), где исчезает понятие безопасности. Наше общество становится опасным для своих граждан, граждане и общество — для государства, а государство для других государств.

Иллюзии о прошлом и настоящем рассеиваются, а будущее, хотя бы в своих основных контурах, даже не проступает в сплошном тумане разноречивых экономических и политических прогнозов. Фрустрация, экзистенциальный вакуум, утрата смысла жизни стали типичными состояниями массового сознания.

Кризис и распад советской цивилизации вновь обнажил и предельно обострил проблему идентичности России, актуализировав разнообразные потенциалы ее трансформации, каждая из которых имеет свой вектор возможных социальных изменений. Сущность переходного периода — во взаимовлиянии и конкуренции этих возможностей (направлений) развития, что приводит к «кристаллизации» одних и «исчезновению» других, менее эффективных способов деятельности в быстро меняющемся мире.

К настоящему времени в социальном «котле» российского общества образовались и отчетливо проявляются несколько центров субъектной активности вместе с продуцируемыми ею типами (способами) жизни. Каждый из них имеет свое «силовое поле» притяжения разнородных социальных сил, узловые точки роста социальной реальности. Взаимодействуя между собой, образуя причудливые сочетания конкретных типов жизнедеятельности, они формируют вполне определенные, эмпирически фиксируемые черты личности, семьи, мотивации и способов труда, образцы самоидентификации, восприятия и отношения к миру.

Другими словами, в самой толще общества медленно, мучительно, противоречиво, но идет переход от некогда «могучего» унифицированного и, надо сказать, притягательного для многих «советского» образа жизни к многообразным моделям жизнедеятельности, нередко сталкивающимся друг с другом своими достаточно острыми краями. По всей видимости, сегодня можно говорить об американском, японском, китайском и т. п., но только в будущем, — о специфически российском образе жизни, постольку поскольку последний сам по себе должен являть нам не просто устойчивые формы человеческой жизнедеятельности, но типичные для исторически конкретных социальных отношений, раскрывающие и качественно характеризующие данное общественное устройство. В таком понимании специфика российского образа жизни сегодня состоит в его фактическом отсутствии, в конгломерате противостоящих друг другу, а то и антагонистических способов и стилей жизни.

К числу последних, несомненно, относится способ жизни старого — нового правящего класса, как и прежде скрытый от масс высокими заборами элитных домов, коттеджных участков и дач, обеспечиваемый и оберегаемый многочисленной челядью (в т. ч. интеллектуальной), а также вооруженной армией, состоящей из сотрудников частных и государственных силовых структур.

Этот правящий класс, пожалуй, единственное устойчивое образование в сегодняшнем российском социуме. Его границы строго очерчены кругом владельцев или же распорядителей крупной собственности, а в его составе тесно связанные между собой группы: коммунисты-капиталисты из числа бывшей номенклатуры и директорского корпуса, коррумпированное чиновничество и верхушка организованной преступности, объединенные одной генеральной целью «приватизации прибыли и национализации убытков» [Размеров 2000, с. 210].

Названная цель, а также определяемый ею способ жизни, базирующийся на принципах внеэтического индивидуализма, жестокости, насилия, захребетничества и т. п., абсолютно чужды русскому народу, его истории и характеру.

Диверсификация образа жизни

Похоже, это хорошо понимает абсолютное большинство российских граждан, отвергающих экономическую основу такого способа жизни — нелегитимную в глазах общества «прихваченную» собственность на средства производства в наиболее прибыльных базовых отраслях современной российской экономики. Так, 90—99 % опрошенных нами в конце 2000 г. жителей Нижегородской области (500 чел.) считают, что добыча нефти и газа, электроэнергетика, добыча драгоценных металлов и камней, оборонка, а также воздушный и железнодорожный транспорт не должны находиться в частных руках.

В то же время надо четко сознавать глобальное негативное влияние правящего класса, принципы жизни которого навязываются обществу в целом через подконтрольные СМИ, экономические, политические и силовые структуры. Именно благодаря такой массивной комплексной обработке в повседневной жизни даже простых людей начинают господствовать типы социального действия, основанные на стратегии выживания любыми способами. «Буду добывать средства любыми путями, в том числе и незаконными, если потеряю работу» — открыто заявляют более трети респондентов в Нижегородской области [Широкалова 2000, с. 191].

Если же учесть, что в экономическом плане рассматриваемый способ жизни — прорва, поглощающая национальное достояние, перекачивающая его за рубеж, — то можно утверждать, что нахождение у вершин экономической, политической, идеологической и т. п. власти людей, отплясывающих дикий танец вокруг золотого тельца, не брезгующих ничем для достижения своих асоциальных целей, не только оскорбительно для России, но представляет реальную угрозу ее национальной (внутренней и внешней) безопасности.

По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS) Института социологии РАН, Института питания РАМН, центра народонаселения Университета Северной Каролины и исследовательского центра «Демоскоп», основная часть нашего населения вынуждена все туже затягивать пояса: около 2/3 опрошенных в 2000 г. в течение последних двух лет стали больше экономить на покупке одежды и обуви; 50 % — на питании; 4 % находятся в крайней нищете, распродают вещи из-за нехватки денег. За прошедшие 5 лет жизнь улучшилась только у 16 % российских семей, ухудшилась же у 51 %. Только 17 % взрослых россиян удовлетворены своей жизнью, в то время как не удовлетворены ею — 60 %. Столько же людей испытывают сильное беспокойство в связи с тем, что в течение года они вряд ли смогут обеспечить себя самым необходимым и лишь 5 % совсем не беспокоятся по этому поводу.

Вполне естественными тенденциями в этой социальной ситуации выглядят депрофессионализация населения, которого перестает волновать профессиональный успех, а также резкое снижение уровня личной ответственности при увеличении и без того большой доли озабоченных высокими заработками [Кутляев 2000].

Естественным представляется и обращение к прошлому: 40 % взрослых россиян считают наиболее приемлемой для нашей страны советскую политическую систему, что была до перестройки, еще 23 % — ту же систему, но в демократизированном варианте. Странников нынешней власти и демократий западного типа сравнительно немного: 11 % и 12 %. Остальные (11 %) склоняются кто к — «шведской», кто к — «китайской», кто к — «сталинской» модели социализма, кто — к дореволюционной, и т. п.

По всей видимости, столь же уникальна стратификационная модель российского общества. В отличие от Запада, где высокий уровень жизни во многом зависит от позитивных личных и социальных качеств человека, в России он веками являлся и является сегодня привилегией, дарованной свыше. Соответственно, в стратификации доминируют статусные признаки и связанные с ними формы получения дохода, производства своего материального бытия, которые и рассматривались нами в качестве дифференцирующих различные способы жизни. Но не все сводится к такого рода различиям.

Становление альтернативных способов и стилей жизни россиян — процесс закономерный, обусловленный глубокими социально-экономическими переменами в обществе. Главная и определяющая из них — явное неравенство стартовых условий в нестабильном обществе и, прежде всего, в обладании капиталом разного рода (собственностью, деньгами, связями и т. д.).

На уровне личности процесс перехода к новым моделям жизнедеятельности требует от человека глубокой, порой мучительной внутренней работы по оценке своих способностей, знаний и умений в изменившейся социальной и жизненной ситуации; переосмысления личных целей и способов их достижения. Ведь речь идет не просто о различных способах и стилях жизни, но тех, которые либо свободно выбирают, либо вынуждены выбирать россияне. В противном случае, оставаясь на прежних позициях, они рискуют утратить связь с жизнью, составить ее арьергард.

Сначала мы попытались выяснить конкретное содержание, соотношение и тенденции развития способов жизни двух генетически близких, но различных социальных субъектов, производящих свое бытие в индивидуальной и коллективной форме: фермеров и работников сельскохозяйственных предприятий*. Выбор в качестве объекта изучения названных групп был обусловлен их специфической ролью носителей и выразителей двух априорно противоположных социальных тенденций, а также большим социальным значением фермерства как массовой и, что немаловажно, привлекательной для многих трудовой деятельности, совпадающей с движением общества в сторону норм и ценностей современной цивилизации, организации рыночно-индустриального типа. Проведенный нами сравнительный анализ наиболее характерных черт повседневного бытия новых российских фермеров и работников сельскохозяйственных предприятий позволяет говорить о разных способах жизни этих двух близких, «соседских», но совершенно различных социальных групп, являющихся носителями и выразителями разных социальных качеств.

Складывающийся в течение многих десятилетий уклад жизни работников сельскохозяйственных предприятий пронизывает практически полная, почти крепостная зависимость человека от внешних сил и обстоятельств. Зависимость как привычное состояние души и поведения во всех сферах жизни: экономической, социальной, политической. Зависимость от доброй воли руководства сельскохозяйственных предприятий, без чего невозможно получить ни выгодную рабо-

---

* В рамках сравнительного анализа способов и стилей жизни фермеров и работников коллективных сельхозпредприятий в регионах традиционного российского земледелия было опрошено 345 глав фермерских хозяйств и 374 работника сельхозпредприятий, проживающих в одной и той же местности: Краснодарском крае; Нижегородской и Омской областях.

Диверсификация образа жизни

ту, ни какие-нибудь существенные материальные и социальные блага; от трудового коллектива, за широкой и безличной спиной которого всегда можно уйти от личной ответственности, но нельзя скрыть ни малейшего отступления от корпоративных или групповых норм.

Превращенной формой зависимости является другая характерная черта способа жизни работников сельскохозяйственных предприятий: *ориентация на усредненные модели* в работе и потреблении («не высовываться», «работать в меру», «жить как все», «получать, сколько выбьешь и сколько дадут»).

И зависимость, и усредненная серость как черты способа жизни находят свое непосредственное отражение в отчужденном труде частичного работника, не приносящем удовлетворения, не говоря о более сильных положительных эмоциях (труд по «привычке»), и уже потому не дающему ощущения полноты жизни.

Резко усиливающаяся дифференциация в материальном положении и потреблении не оставляет шансов для реализации ориентации на жизнь «как у всех», которая теряет смысл и рушится на глазах. Необходимость что-то предпринимать, менять жизнь лишь увеличивает дискомфорт. Понятно, это порождает обоснованный пессимизм, негативное социальное самочувствие наемного работника с его психологией маленького человека, который ничего не значит и ничего не может, привыкшего работать, растворяясь в коллективе, уходя от личной ответственности и надеющегося «в связке» с другими такими же людьми пережить трудные времена, ничего не меняя ни в себе, ни в своей жизни, ориентируясь на стереотипы мышления и поведения «советского» периода.

Отсюда господство в жизненной мотивации внешних, так сказать, «коллективистских» факторов, слабая включенность в реальную жизненную ситуацию, неприятие частной собственности как эффективного средства решения социально-экономических проблем, бегство от свободы, боязнь риска, неверие в собственные силы, социальная апатия и т. п. Речь идет о наборе социально-психологических качеств, дающих мало шансов на выживание в складывающейся ситуации и обеспечивающих лишь дезинтегрированное приспособление человека к экономическим, политическим и социальным «злобам дня». Естественной в этом случае представляется потеря группой социального пространства за счет наиболее инициативных и предприимчивых ее членов, покидающих коллективные сельскохозяйственные предприятия, устраивающихся на работу в коммерческие структуры, становящихся фермерами или организующих другое собственное дело. Причем, судя по нашим данным, процесс этот, как говорится, уже пошел и будет набирать силу, поскольку лишь один из каждых четырех опрошенных нами работников сельскохозяйственных предприятий желал бы своим детям остаться с родителями и работать в коллективном хозяйстве. Другие же предпочитают, чтобы дети уехали в город или завели собственное дело, стали предпринимателями или фермерами.

Практически противоположными приведенным выше являются основные характеристики фермерского образа жизни, субъектом которого выступает человек, качественно преобразовывающий свою жизнь и жизнь окружающих его людей; сделавший свой, пожалуй, самый трудный выбор в жизни, прошедший или проходящий первые, самые сложные этапы социальной трансформации, радикального изменения статуса и структуры основной деятельности.

Как показывают результаты исследования автора, стержнеобразующей конструкцией новых («пионерных») форм и образцов деятельности служит соци-

альный статус полноправного хозяина, с присущими ему социальными и нравственными атрибутами и притязаниями, воплощающимися в ценностях семьи, индивидуальной свободы, экономической независимости, профессиональной компетентности, самостоятельности и личной ответственности. Рассогласование этих ценностей с возможностями их реализации в сложившейся прежде социальной структуре, в том числе в рамках государственных сельскохозяйственных предприятий, не привело к отказу от них, а вывело поиск адекватных им форм социального поведения за пределы официальных хозяйственных и социальных институтов. С этой точки зрения не случайна оценка фермерства как самого крупного достижения своей жизни, ибо оно создает условия для легального осуществления названных жизненных устремлений, институализации соответствующих им форм жизнедеятельности.

Средством достижения нового социального статуса выступает фермерское хозяйство. Материалы наших исследований убедительно показывают, что решение о его создании — жизненно важный стратегический выбор, базирующийся в основном на внутренних (личностных) предпосылках, связанных с доминированием стремлений к достижению поставленных целей, самореализации, качественному обновлению жизни. Стать фермером для наших респондентов означает, прежде всего, обрести свободу, независимость, подлинную самостоятельность в жизни и труде.

Именно эти причины, вкупе с фермерским способом жизни самим по себе, включая в перспективе такие его элементы, как богатство, высокий уровень потребления, комфортабельный собственный дом, побуждает людей трудиться со сверхнормативной активностью, получая удовольствие от своего труда, его содержательной и эмоциональной сторон.

Характерно, что первоначальная мотивация не исчезает, а лишь трансформируется в факторы, обеспечивающие стабильно высокую удовлетворенность фермерами своей основной деятельностью: свобода — в саморегулирование, самодетерминацию процесса труда; самостоятельность — в творчество, поиск нестандартных решений, самосовершенствование; независимость — в конкурентную борьбу.

Однако путь от «пионера-инноватора» к предпринимателю современного типа далеко не прост и, по всей видимости, долг, поскольку тип личности нового российского фермера связан с переходным характером его жизнедеятельности. Многие из наших респондентов только в самом начале этого пути, другие продвинулись дальше: обретя экономическую свободу и независимость, заложили фундамент социального благополучия. Это обстоятельство вместе с реализацией, преобразованием и стабилизацией жизненной мотивации обуславливает их неиссякаемый оптимизм, устойчивое социальное самочувствие людей, нашедших свое место в сложной и переменчивой социальной ситуации, занятых главным делом своей жизни, которое они никому и ни за что не отдадут.

Принципиально новым научным результатом исследования является построение и эмпирическая верификация типологии фермеров на основе базовых ориентации на способ и цели производства своего материального бытия. Взяв за основу два ведущих диспозиционных признака — ориентацию на создание товарного или натурального хозяйства и реализуемую в труде предрасположенность к определенному уровню и качеству жизни, — мы получили на пересече-

Диверсификация образа жизни

нии этих координат следующие четыре типа фермеров, продуцирующие различные стили жизни:

1. Наиболее многочисленная (около 50 %) группа собственно *фермерская, предпринимательская*, ориентированная на товарное хозяйство, готовая к поиску нестандартных решений, конкуренции и риску, не жалеющая сил для достижения поставленных целей, преодолевающая все препоны на пути к процветанию и богатству, качественно новому состоянию своей жизни; состоящая не просто из хозяев, но хозяйственных инноваторов, руководителей, организаторов.

2. Собственно *крестьянская* (около четверти состава) весьма схожая с фермерской по основным параметрам жизненной ситуации (высокая удовлетворенность трудом и жизнью в целом, успешное ведение хозяйства, оптимизм и т. п.). Но не будучи по определению предпринимательской (ориентация в производстве, прежде всего, на удовлетворение потребностей семьи), отличающаяся склонностью к традиционализму и изоляционизму.

Эти группы являются базовыми для развития фермерского движения, представляя в нем две мощные тенденции *посткрестьянизации и рекрестьянизации*.

3. Что касается двух других, лишь условно говоря «фермерских» и «крестьянских» групп, так сказать, «советского» типа, то их инертность, ориентация на «прохладную» работу и жизнь «как все», а также на удачу, случай, достаточно плачевные результаты хозяйствования, плохое социальное самочувствие и т. п., по всей видимости, представляют в фермерском движении тенденцию *раскрестьянизации*, дезинтегрированного приспособления к новым экономическим и политическим реалиям.

Второй этап исследования предусматривал выяснение базовых социальных типов городских предпринимателей (малый и средний бизнес), а также диапазона и характера дифференциации стилей жизни, продуцируемых этими типами*.

Полученные нами данные показывают, что не только в российском селе, но и городе складываются модели жизнедеятельности, трудно совместимые по своему характеру.

Материальное положение даже мелких предпринимателей (челноков и т. п.) почти на порядок выше, нежели у населения России в целом. Так, если у основной массы (около 70 %) населения России возникают трудности уже с покупкой одежды (мониторинг ИС РАН), то наши респонденты не знают, что это такое. По сравнению с населением России представители мелкого и среднего бизнеса, составляя значительную его часть, тем не менее в 6 раз лучше обеспечены новыми автомобилями; более чем в 4 раза — компьютерами и другими современными престижными предметами длительного пользования. Три четверти из них «в основном» или «вполне» удовлетворены жизнью, и более половины тем, как идут дела в бизнесе. Понятно, что они демонстрируют трезвый оптимизм в отношении своего настоящего и будущего, основанный на результатах основной деятельности.

В отличие от основной массы населения, малый и средний бизнес активно и успешно адаптируется к «дикому» рынку, неизбежно формирующемуся на

---

* Предпринимательский способ и складывающиеся внутри него стили жизни изучались на основе данных опроса 315 человек, занятых малым и средним бизнесом. Опрос проведен в трех регионах: Калмыкии — 86 человек, Владивостоке — 129 человек, Новосибирске — 100 человек.

основе государственных и криминальных структур. Однако формы адаптации столь же асоциальны и аморальны, а часто и криминальны, как и породившие их условия. В предпринимательской среде, по оценке респондентов, преобладают люди, для которых нормой в деловых отношениях стали ложь (70 %), взятки (61 %), сокрытие доходов (78 %) и т. п. И это неудивительно, поскольку именно безнравственная позиция в бизнесе, ориентация на достижение успеха любой ценой, тесно коррелирует с динамичным устойчивым ростом материального благосостояния предпринимательских семей. У наших респондентов силен дух индивидуализма, для них (около 3/4) очень важны собственное дело, успех и богатство, но в еще большей степени — семья и личная безопасность. Они идентифицируют себя, прежде всего, с людьми, ведущими активную жизнь и аналогичный образ жизни, что также выделяет их из общей массы россиян. Все это говорит о том, что внутри малого и среднего бизнеса уже выделяется модальная группа, обладающая единством социальных связей и ориентаций, интересов, способов общения и деятельности, представляющая еще не вполне сложившийся, но уже явственно проступающий, во многом альтернативный другим, предпринимательский способ жизни.

Вместе с тем, анализ показал, что в среде предпринимателей формируются, по крайней мере, два взаимопроникающих, но все же качественно отличных стиля жизни, зависящих от чистого (остающегося после всех официальных и неофициальных выплат) дохода.

Субъекты одного из них (чистый доход — свыше 500 долл. США в месяц) — люди состоятельные, в основном удачливые предприниматели, среди которых преобладают лица, стремящиеся к успеху и богатству и ко всему тому, что им сопутствует (престиж, дорогие удовольствия и т. п.); уже сегодня весьма разнообразно и гармонично проводящие свой досуг, общающиеся с широким кругом людей не в ущерб семье и детям; как правило, довольные собой, тем, чего достигли, как решают свои проблемы, а также жизнь в целом.

Субъекты другого стиля (доход до 500 долл.) — люди не очень состоятельные, не слишком удачливые в бизнесе, стремящиеся сохранить свое дело, воспроизвести хотя бы имеющееся материальное положение, тот стиль жизни, который ему сопутствует, а если повезет, то добиться большего — богатства, жизненного комфорта; проводящие свое свободное время в соответствии с материальными возможностями — чаще в кругу семьи, в основной массе довольные собой, своими достижениями, жизнь в целом.

Таким образом, способы и стили жизни детерминированы способами бизнеса. Причем альтернативные стили жизни формируются под влиянием альтернативных способов бизнеса и только на основе реально достигнутых серьезных материальных результатов. Малый бизнес ввиду относительной бедности, его сопровождающей, представляет собой достаточно гомогенное образование в отношении распространенности тех или иных социальных норм и ценностей, нежели средний бизнес. Только в рамках и на базе материальных возможностей последнего зарождаются, развиваются и функционируют модели жизнедеятельности, существенно, а порой и качественно отличающиеся друг от друга, порождаемыми предпринимателями «цивилизованными» (законопослушными, ориентированными на бизнес, требующий глубоких знаний и подготовки) и «нецивилизованными» (незаконопослушными, «играющими» на любом поле, приносящем высокий и быстрый доход). Они имеют много общего (например,

Диверсификация образа жизни

материальный успех), но противоположны по способам бизнеса и бизнес-ориентациям (цивилизованный бизнес притягивает к себе социально-ответственных и патриотически настроенных предпринимателей; нецивилизованный, — скорее, с противоположными характеристиками); существенно различаются по бизнес-мотивации, трудовой этике и морали (у «нецивилизованных» явно заметен крен в сторону богатства как самодовлеющей ценности. При этом в отличие от «цивилизованных» значительная их часть отнюдь не является трудолюбивыми, а предпочитает «работать в меру», или же не работать совсем). У них складываются разные по крепости семьи (лишь 27 % «нецивилизованных» предпринимателей практически никогда не сожалеют о вступлении в тот брак, в котором они состоят сегодня; 73 % «цивилизованных» никогда не сожалеют об этом; они совершенно по-разному пользуются своим благосостоянием в свободное время (детоцентризм, «здоровый образ жизни» у «цивилизованных» и досуг, напоминающий фильмы о «новых русских» у «нецивилизованных» предпринимателей).

Итак, личная свобода, экономическая самостоятельность, творчество в работе, достойный уровень жизни, активная адаптация к внешним неблагоприятным условиям деятельности — то, что объединяет способы жизни рассмотренных нами инновационных групп. Различия начинаются там, где речь идет о способах достижения благополучия.

Фермеры, в основной массе демонстрируют позитивные, отвечающие интересам общества социальные качества, возрождая в новых условиях традиционный российский уклад жизни, основанной на принципе разумной достаточности, дополненной стремлениями к личной свободе, независимости, инициативе и ответственности. Они заинтересованы в правовом пространстве их деятельности.

Баланс позитивных и негативных тенденций в становлении способа и стилей жизни городских предпринимателей складывается явно в пользу вторых. И прежде всего это относится к правовой стороне их жизнедеятельности. Криминальная обстановка в стране — в значительной мере результат нецивилизованного способа бизнеса и жизни этой категории людей, часто следующих худшим западным образцам.

Приверженцы цивилизованного бизнеса и соответствующего ему стиля жизни слишком малочисленны, чтобы говорить о реальном выполнении российским бизнесом позитивных функций среднего класса. Однако именно те, кто взял на себя нелегкий труд вести цивилизованный бизнес в нецивилизованной стране, должны стать опорой новой экономики в обновленном обществе. И именно они, вместе с фермерами, а не бизнес вообще, нуждаются в адресной поддержке.

Попытка выйти на способы жизни альтернативные предпринимательскому была предпринята нами в 1998—1999 гг. при анализе социальной ситуации в четырех российских городах: Воронеже, Краснодаре, Нижнем Новгороде и Ставрополе. Всего было опрошено 879 человек, работающих, в основном, в государственных (бюджетных) организациях (57 %); акционированных (23 %) и частных (20 %).

Используя базовый методологический принцип, применяемый нами для идентификации социальных типов, продуцирующих те или иные способы и стили жизни, мы положили в основу типологии характеристики трудовой деятельности, включающие в себя ее мотивацию, отражающую современные базовые установки личности в процессе производства своего материального бы-

тия. В результате получилась типология, представленная следующими пятью условно названными группами субъектов:

1. «Бизнесмены» — люди, берущиеся за любую, в том числе, тяжелую, непривлекательную работу, чтобы обеспечить себе и своей семье достойный уровень жизни и при этом рискующие (имуществом, репутацией, возможно, жизнью) для получения большого дохода (11 % опрошенных).
2. «Игроки». В отличие от «бизнесменов» способы достижения успеха у них существенно иные. Риск присущ в полной мере, но за любую черновую работу они не берутся (6 % опрошенных).
3. «Бурлаки» — люди постоянно берущиеся за любую тяжелую, непрестижную, но лишенную элементов риска работу (17 % опрошенных).
4. «Трудыги» — по трудовому поведению и мотивации близки к «бурлакам». Они также берутся за любую тяжелую и непривлекательную работу, но делают это время от времени, эпизодически, когда нет другого выхода для поддержания семьи (20 % опрошенных).
5. «Бюджетники» — люди в основном живущие на зарплату и не склонные к сверхнормативной тяжелой или непривлекательной работе, а тем более к серьезному риску в целях повышения материального благосостояния семьи (46 % опрошенных).

Если говорить о социально-экономическом статусе названных субъектов, то общая тенденция такова: при переходе от группы к группе наблюдается сокращение числа занятых в частном секторе экономики (42 % у «бизнесменов», 41 % у «игроков», 20 % у «бурлаков», 17 % у «трудыг» и только 11 % у «бюджетников»).

Причем среди «бизнесменов» почти треть (30 %) действительно являются руководителями частных фирм. Однако большинство (59 %) и здесь составляют рядовые работники (государственных предприятий и организаций — 36 %; акционированных и частных — 23 %).

В составе «игроков» заметно больше начальства разного рода — 43 %, в основном, глав частных фирм. Еще больше тут представителей казалось бы противоположной группы — рядовых работников государственных предприятий и организаций (48 %), но практически отсутствуют рядовые сотрудники акционированных и частных предприятий.

Напротив, у «бурлаков» эти работники составляют 35 %. Кроме них в составе группы 37 % рядовых работников госпредприятий и лишь 13 % руководителей частных фирм.

Статус «трудыг» мало отличается от «бурлацкого» — то же преобладание рядовых работников, однако из госсектора уже 47 %.

В составе «бюджетников» рядовые сотрудники госпредприятий доминируют (61 %), а встречающиеся руководители (22 %) также, в основном, представляют госсектор.

Таким образом, налицо довольно тесная взаимосвязь мотивационно-деятельностных характеристик, положенных в основу типологии и социально-экономического положения наших респондентов. Даже противоестественная, на первый взгляд, совместимость в основном составе «игроков» руководителей частных фирм и рядовых сотрудников госпредприятий кажется вполне логичной. Ведь не секрет, что официальная «ответственная» работа в частном и «безответственная» в государственном секторе нередко служит лишь прикрытием

Диверсификация образа жизни

деятельности по ловле крупной рыбы в мутной воде неотрегулированных экономических отношений.

Указанная взаимосвязь и определяет, пожалуй, существенные различия в жизнедеятельности выделенных нами субъектов. Обратимся в этой связи к крайним группам нашей типологии, представляющим людей с противоположными мотивационно-деятельностными характеристиками.

«Бизнесмены». Собственно предприниматели составляют относительное большинство — треть состава этой группы, в которую, наряду с ними, входят врачи, преподаватели, работники науки, журналисты и т. п. (18 %), рабочие (13 %) и ИТР (10 %), преимущественно мужчины (58 %), одержимые одним общим желанием жить богато и предпринимающие для этого самые решительные шаги; не брезгающие самой тяжелой непривлекательной работой и рискующие, порой, всем тем, что имеют. То есть, по сути, это лица, имеющие предрасположенность или желание заняться доходным бизнесом и пытающиеся реализовать свои намерения. Однако анализ их материального положения показывает, что это удается далеко не всем из них: только 3 % могут купить себе все, что они хотят, и только у 18 % трудности возникают лишь при покупке нового автомобиля или дачи. 54 % постоянно сталкивались и сталкиваются с длительными материальными затруднениями, а 56 % не ожидают изменений к лучшему в материальном положении семьи в ближайшие 2—3 года.

И это несмотря на то, что для достижения своих целей 44 % состава группы, по собственному признанию, преступали закон, причем, как правило, неоднократно. Похоже, что наши «бизнесмены», как и большинство реальных представителей городского малого и среднего бизнеса, склонны не только к риску, но и к обману, лжи и т. п., словом к нецивилизованной деятельности. И если кто-то их называет «созидателями», то очевидно, что очень многие из них созидают не дело, а деньги, которых постоянно не хватает для удовлетворения раздутых потребностей, создания и поддержания имиджа рекламно-киношного менеджера или предпринимателя западного типа.

Широко распространены в этой группе кратковременные внебрачные сексуальные связи (45 %); приобретение влиятельных друзей (54 %); посещение баров и казино (50 %); интенсивное потребление спиртных напитков (43 %); сожаления о вступлении в тот брак, в котором состоят сегодня (23 %) и неважные семейные отношения в целом (хорошие только у 30 %). Среди «бизнесменов», по сравнению с другими группами, мало удовлетворенных жилищными условиями (37 %; 5 % — вполне и 32 % — в основном); гардеробом (33 %) и питанием (42 %). Больше всех в этой группе и тех, кто имел за годы реформ серьезные заболевания или травмы (26 %), особенно в последнее время.

«Бизнесмены» в основной массе также не удовлетворены своими жизненными перспективами (77 %) и тем, как складывается их жизнь в целом (67 %). Для сравнения: по данным ВЦИОМ в среднем для России эта цифра составляет 40 %, а в США — только 8 % [Экономические и социальные перемены 1997, с. 6].

В свете приведенных данных неудивительно, что социальное самочувствие «бизнесменов» *наихудшее* среди рассматриваемых нами групп: 88 % из них за годы реформ не раз испытывали чувства отчаяния, безысходности, нереализованности, ненужности, а для 46 % из них эти чувства стали частью негативного социально-психологического фона всей их жизнедеятельности.

Пожалуй, единственный свет в окошке этой группы — работа, точнее говоря, позитивные перемены в роде и характере деятельности, происшедшие за годы реформ (53 %), которые, видимо, и помогли многим ее представителям (54 %) приобрести влиятельных друзей. Тем не менее удовлетворенность работой тут одна из самых низких (47 %). И наконец, как выяснилось, — это *самая неблагополучная группа*. Соответствующий интегральный средневзвешенный показатель, рассчитанный на основе анализа материального положения, перемен в работе, семейных отношений и социального самочувствия, составляет всего 0,51. Это делает «бизнесменов» наиболее конфликтогенной группой: 46 % из них (более чем в 2 раза выше, нежели по массиву в целом) вступали в острое противостояние с властями или со своим руководством; треть участвовали в коллективных действиях протеста. Высока у них и потенциальная конфликтность: 55 % считают допустимым, а 6 % — просто необходимым участие в несанкционированных шествиях или митингах; 64 % и 7 %, соответственно, — в пикетах и забастовках.

«Бюджетники». В своем подавляющем большинстве — это действительно работники государственных предприятий и организаций. В отличие от «бизнесменов» группа более разнородна в своей социально-профессиональной основе: интеллигенция, не занятая на производстве — 21 % (учителя, журналисты, врачи, работники науки и т. п.); подрабатывающие студенты и учащиеся — 20 %; ИТР — 14 %. Основная масса попавших в выборку управленцев и служащих правоохранительных органов также в составе этой группы (11 % и 8 %). Соответственно здесь больше всего лиц с высшим (60 %) и средним общим образованием (20 %), в молодом (до 30 лет — 39 %) и зрелом возрасте (30—49 лет — 37 %), которые не склонны вовлекаться в рискованные операции со своим имуществом, достоинством и т. п., а также братья за любую работу, дабы обеспечить себе (семье) достойный уровень жизни. Не случайно в составе группы преобладают женщины (66 %), традиционно более осторожные и ответственные в делах семейного благополучия, нежели мужчины.

Указанное обстоятельство, видимо, играет не последнюю роль в том, что эта интеллигентная, сравнительно молодая и дискриминируемая в сегодняшнем российском обществе группа отличается самым высоким, альтернативным «бизнесменам» индексом социального благополучия — 0,86.

У «бюджетников» средние возможности семейного дохода, ниже, чем у «бизнесменов», но, в отличие от последних, устойчивое, без потрясений и резких изменений материальное положение: только 19 % сталкивались и сталкиваются с длительными материальными затруднениями. У них высокая удовлетворенность базовыми жизненными условиями: жилищем (62 %), питанием (65 %), гардеробом (48 %). Среди них в 2 раза больше, нежели среди «бизнесменов», лиц, имеющих хорошие семейные отношения (65 %), в полтора раза меньше выпивох, тех, кто имеет внебрачные половые связи, а также завсегдаев «зланных мест». Большинство группы (59 %) не меняло свою работу за годы реформ, но факт этот, похоже, мало кого в ней огорчает, поскольку 65 % ее членов удовлетворены своим трудом, его содержанием и производственным коллективом.

«Бюджетники» не удовлетворены своими жизненными перспективами (62 %). Однако этот показатель ниже, чем по массиву опрошенных в целом и меньше, чем у «бизнесменов». Зато, в отличие от последних, их социальное самочувствие ста-

Диверсификация образа жизни

бильно хорошее: чувства отчаяния, безысходности, ненужности, нереализованности характерны только для 11 % состава группы (у «бизнесменов» 46 %). Сравнительно высока и ее удовлетворенность жизнью в целом — 55 %.

Наконец, это самая бесконфликтная группа. Среди «бюджетников» меньше всего лиц нарушавших закон (6 %) и вступавших за годы реформ в противостояние с властями или со своим руководством (15 %), а также потенциально конфликтогенных.

Таким образом, можно констатировать, что выделенные нами базовые альтернативные мотивационно-деятельностные характеристики действительно играют важнейшую роль в формировании альтернативных стилей жизни и типов личности.

«Бюджетники», в основном сохранившие свой социально-профессиональный статус, нравственные нормы и основы благополучия: хорошие семейные отношения, привычную и достойную работу, устойчивое материальное положение, высокое социальное самочувствие и дорожащие всем этим; не нарушающие закон, не склонные к сомнительным сделкам и конфликтам, — реально отличаются от маргинальных, неустойчивых во всех отношениях (материальном, социальном, нравственном, психологическом), в значительной степени криминализованных, отчужденных от своего труда, алчных и агрессивных, неудовлетворенных жизнью «бизнесменов».

Альтернативными по многим своим социальным характеристикам и стилям жизни оказываются представители двух других групп нашей типологии: «игроки» и «бурлаки».

«Игроки». По своим интенциям тяготеют к «бизнесменам». Основная характеристика их жизнедеятельности — риск, игра со своим имуществом, репутацией и даже жизнью ради получения большого дохода. В отличие от «бизнесменов», «игроки» не занимаются тяжелым или же непривлекательным трудом, предпочитая руководящую работу в частном или же необременительную рядовую в госсекторе, позволяющие сегодня заниматься посредничеством, операциями на бирже, с валютой и т. п. вплоть до мошенничества. Со стороны кажется, что деньги делаются ими из ничего, как бы из воздуха, а точнее, экономической атмосферы в смутное время, способствующей обогащению ловких, расчетливых, склонных к риску. По сути своей — это люди, осваивающие новые для современной России виды деятельности. А потому в составе этой группы преимущественно молодежь и те, кто, как говорится, находятся в самом расцвете сил: до 30 лет — 60 %, до 40 лет — 83 %; в основном мужчины (60 %); предприниматели (34 %), студенты (21 %). Остальные — интеллигенция и служащие. Рабочие здесь не представлены вовсе.

У «игроков» все получается, во всех сферах жизни. Это наиболее обеспеченная группа (13 % могут себе ни в чем не отказывать, а у 37 % трудности возникают лишь в связи с покупкой нового автомобиля или дачи), в которой подавляющее большинство (примерно трое из четырех) удовлетворены своей работой, жилищными условиями, одеждой, питанием, жизненными перспективами и, конечно же, жизнью в целом; У них оптимистический настрой и лучшее социальное самочувствие. Все это тесно связано с позитивными переменами в работе (71 %) и прочными семейными отношениями (93 % не сожалеют о вступлении в тот брак, в котором состоят сегодня), несмотря на то, что

около половины «игроков» имели кратковременные сексуальные связи, а 42 % еще и длительный любовный роман.

Похоже, редко что омрачает их жизнь. Многие в группе за годы реформ приобрели влиятельных друзей (60 %), а досуг ее членов хотя и напоминает досуг «бизнесменов», но отличается большей раскрепощенностью: более сложными любовными отношениями, более интенсивным потреблением спиртных напитков (51 %) и более частым посещением баров и казино (66 %). Другими словами, «игроки» остаются игроками и в свободное время.

В политическом отношении это либерально окрашенная группа, выдвигающая в качестве наиболее эффективного средства решения внутрирегиональных конфликтов обуздание преступности и смену коррумпированной местной власти, а не «наведение жесткого порядка» как в других группах. Причем деятельность в названном направлении «игроки», также в отличие от многих других, никак не связывают с усилением роли государства в жизни людей. В группе сравнительно мало (10 %) лиц, безусловно согласных на временный отказ от некоторых гражданских прав и свобод (слова, шествий, собраний, организации профсоюзов и т. п.) в обмен на то же обуздание преступности и решение других социальных проблем; и самая высокая доля тех, кто не согласен на такой обмен ни при каких обстоятельствах (21 %).

Конфликтность у «игроков» — одна из самых низких, на уровне «бюджетников». Причем наиболее распространенный конфликт — со своим начальством, по всей видимости, как раз в непосредственной связи с деятельностью, грозящей различными видами рисков. Отношение же к массовым действиям протеста у группы в целом отрицательное (55 %), что также выделяет «игроков» из всех других анализируемых нами групп, у которых отношение к этим действиям в целом положительное.

Наконец, еще одна важная деталь. Успех у «игроков» нередко достигается ценой нарушения закона. Эта цифра ниже, чем у «бизнесменов», но в шесть раз выше, чем у «бюджетников».

«Бурлаки». Представителей этой группы объединяет то, что они всегда готовы взяться и постоянно берутся за любую тяжелую непривлекательную работу, дабы обеспечить себе и своей семье достойный уровень жизни. Но при этом они предпочитают не рисковать, не ввязываться в сомнительные предприятия, уповая на собственные силы, на интенсивный, порой изнурительный труд, нередко сочетая работу в государственных, акционированных и частных структурах. Это физически здоровые люди (83 %), как правило, исполнители из числа рабочих (21 %), интеллигенции (23 %), ИТР (18 %) и предпринимателей (13 %), видимо, прогоревших.

По возрасту «бурлаки» (60 % старше 40 лет) — полная противоположность «игрокам». Да и по всем другим основным социальным и социально-психологическим характеристикам — тоже. Если «игроки» отличаются глобальным благополучием, то «бурлаки», несмотря на предпринимаемые ими усилия по повышению его уровня, терпят крах в реализации этой задачи. Уровень жизни у них самый низкий: 45 % приходится подчас занимать деньги на самое необходимое, а еще у 47 % трудности возникают уже при покупке нового телевизора или холодильника, 64 % группы за последние годы не раз испытывали длительные материальные затруднения, а 74 % не ожидают в ближайшие годы изменений к

Диверсификация образа жизни

лучшему в материальном положении семьи. Словом, как выразился один из респондентов: «Работают как волы, а получают как собаки».

«Бурлаки» — группа неудовлетворенных основными параметрами своей жизненной ситуации: работой, жизненными условиями, одеждой, питанием и, в особенности, жизненными перспективами (77 %), да и жизнью в целом (68 %), поскольку их ожидания хорошей отдачи от постоянного тяжелого труда, увы, не оправдываются. Похоже, мало что не омрачает их жизнь. Отдушина — семья, дети, с которыми они стараются проводить свое свободное время. Но и это получается у них далеко не всегда, поскольку постоянная погоня за благополучием пожирает и его.

Неудивительно, что это самая конфликтогенная группа после «бизнесменов». «Бурлаки» в отличие от «игроков» в целом положительно оценивают действия протеста (70 %), полагая, что они являются способом защиты простых людей и решения насущных проблем. Принимали же участие в коллективных действиях протеста 35 % «бурлаков», т. е. примерно столько же, сколько «бизнесменов». Но если для последних характерна индивидуальная протестная активность (45 %), то среди «бурлаков» в личный конфликт с руководством или же другими представителями власти вступали лишь 18 %. Не характерен для них и конфликт с законом: доля преступавших его составляет 11 %, что в четыре раза меньше, чем у «бизнесменов».

В анализируемой нами типологии социальных типов и стилей жизни представлена еще одна группа, занимающая промежуточное положение между «бурлаками» и «бюджетниками».

«Трудяги». Люди, которые берутся за любую тяжелую непривлекательную работу, лишённую элементов риска, когда «подождет» или же просто появится благоприятный случай заработать. От «бюджетников» они отличаются готовностью работать где угодно, с кем угодно и сколько надо ради приличных денег; а от «бурлаков» — тем, что делают это не постоянно, а время от времени.

Они не столь благополучны, как «бюджетники», но и не столь беспросветны, как «бурлаки». По сравнению с последними у них меньше доля лиц еле-еле сводящих концы с концами (34 %), а на первый план выступает группа с доходом, обеспечивающим базовые потребности в питании и одежде (56 %), являющаяся доминантной и для «бюджетников».

У них почти все среднее: возраст (57 % от 30 до 49 лет), удовлетворенность работой (56 %), жилищными условиями (50 %), питанием (54 %), жизнью в целом (46 %).

Вот только свое будущее они представляют скорее в мрачных тонах: только 30 % ожидают изменений к лучшему в материальном положении семьи и только 27 % удовлетворены своими жизненными перспективами. Соответственно, их социальное самочувствие выше, чем у «бизнесменов» и «бурлаков», но ниже, чем у «бюджетников» и «игроков». В этом же промежутке располагается и их индекс социального благополучия — 0,72.

В группе преобладают активные женщины. И видимо, поэтому тут меньше всего лиц, интенсивно потребляющих спиртные напитки, редки нарушители закона, но сравнительно много людей принимавших участие в коллективных (20 %) и индивидуальных (29 %) действиях протеста. Довольно велик процент (20 %) считающих необходимым в нынешней ситуации усиление роли государства в жизни людей, что можно отнести на счет тендерных различий.

Итак, в российском обществе идет активный процесс формирования альтернативных стилей жизни, субъектами которых выступают личности с различными мотивационно-деятельностными характеристиками. В новой социально-экономической реальности каждый человек выбирает свой стиль жизни, далеко не всегда отвечающий интересам общества и государства, но обеспечивающий ему приемлемые форму и меру реализации базовых жизненных установок, благополучия и согласия с миром.

Рассматриваемые в этом ракурсе результаты нашего анализа разрушают ставший уже привычным стереотип о бизнес-слое как основе формирующегося среднего класса и соответствующего стиля жизни. Возможно, этот слой действительно выполняет в российской экономике динамизирующую функцию. Однако основные его группы, представленные городскими предпринимателями и близкими им по духу людьми, пытающимися заняться бизнесом, выполняют ее явно не на основе высокопрофессионального социально ответственного отношения к труду, а также общезначимых и общепризнанных нравственных устоев. Явно сложно говорить об этом слое как о гаранте социального порядка и спокойствия ввиду высокой конфликтности, асоциальности, аморальности и криминальности, порождаемых им связей и отношений.

Альтернативой всем этим тенденциям выступает стиль жизни «бюджетников», — дискриминируемой, поставленной на грань выживания группы, которой можно вменить в вину традиционность, созерцательность, выжидательную позицию и т. п. Однако, скорее всего, это несуетность людей, трезво оценивающих свои личные качества, способности и возможности применительно к сложившейся социально-экономической и жизненной ситуации, ценящих то, что они имеют: хорошую семью, работу и связанный с ними досуг.

Несмотря на высокую удовлетворенность содержанием труда, семейными отношениями, стабильным заработком и жизнью в целом — их уровень жизни оставляет желать много лучшего, — нередко отсутствуют средства на лечение, образование, качественный отдых. Но именно они, сохранившие свой социально-профессиональный статус, достоинство и определенные нравственные устои, свое социальное «лицо», ориентированные на высокопрофессиональный труд как на основу всей своей жизни, уравновешенные и законопослушные — уже сейчас выступают в качестве главной умиротворяющей группы, реально выполняющей в обществе стабилизирующую и консолидирующую функции среднего класса. И в этом плане оптимизм «бюджетников», их надежда на лучшие времена являются достаточно обоснованными, поскольку в любом государстве такого рода группы нуждаются в его поддержке и, рано или поздно, получают ее.

Напротив, социальной базой экстремизма, носителями разного рода конфликтов и т. п. выступают группы, стили жизни которых определяются постоянным тяжелым, нередко малоквалифицированным непрестижным трудом. Прежде всего, это «бурлаки» — люди, не смирившиеся с положением бедняка и предпринимавшие порой отчаянные, законные, но безуспешные в целом усилия изменить свое материальное положение. Это часто маргиналы, остро неудовлетворенные своим статусом, достатком и жизнью в целом, готовые к самым разнообразным формам протеста. Их доля достаточно велика в акционированном и частном секторах экономики, где они явно не нашли общего языка с

Диверсификация образа жизни

работодателями, несмотря на то, что готовы «вкатывать» где угодно и сколько угодно за хорошую оплату.

Причем в наивысшей степени агрессия, конфликтность, нарушения закона и т. п., связанные с утратой какой бы то ни было ценностно-нормативной основы, утилитаризмом, инструментализмом, амбициозностью, алчностью и корыстолюбием, характерны для «продвинутых» в рыночных отношениях «бизнесменов», сочетающих напряженный труд с различного рода рисками: экономическими, криминальными, нравственными, витальными. Очевидно, что безудержная и безадресная поддержка этой группы государством в лице «реформаторов» чревата серьезными негативными последствиями в экономике, политике и социальной сфере.

Наиболее продуктивным с точки зрения обретения жизненного благополучия оказался активный инициативный стиль жизни «игроков», не связанный с интенсивной трудовой деятельностью, но предполагающий оправданный риск в сочетании с критическим отношением к закону, игнорированием моральных норм и правил. Реализация такой стратегии позволяет не только хорошо жить, но и процветать в условиях, когда большинство населения России едва сводит концы с концами.

Можно по-разному оценивать этот стиль жизни, но ясно одно — он адекватен наличной социально-экономической ситуации и власти, озабоченной прежде всего своим благополучием, предоставляющей право каждому человеку самому заботиться о своем.

Литература

- Кутлашев А.* Особенности национального стиля жизни / PR—диалог. 2000. № 3 (8).
- Размеров В.* «Новый класс» в постсоветской России (Перечитывая Джиласа) // Год планеты: Политика. Экономика. Бизнес. Банки. Образование. Вып. 2000 г. / РАН, ИМЭМО. М.: Республика, 2000.
- Широкалова Г. С.* Соблюдение прав человека // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 17. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 5.